

Уральский Государственный Университет им. А.М. Горького

На правах рукописи

Лобовикова Ксения Игоревна

**ПРОБЛЕМЫ ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ И ИСЛАМА
ГЛАЗАМИ ГЕОРГИЯ ТРАПЕЗУНДСКОГО (XV в.)**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Специальность 07.00.03. —

Всеобщая история (Древний мир и средние века)

Екатеринбург
2005

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Противоречивость и неоднозначность характера взаимоотношений Запада и Востока в настоящее время актуализировали поиски путей решения проблем, связанных с достижением согласия между разными религиями. Очевидно, что диалог религий возможен только при условии понимания теологических и социокультурных особенностей христианского и мусульманского миров.

Не случайно в современной науке возрос интерес к философским и историческим проблемам культурной и религиозной толерантности. Сейчас особенно актуально изучение опыта прошлого: как люди других эпох решали проблемы диалога разных религий и культур, с какими трудностями им приходилось сталкиваться, какие методы и принципы они использовали для решения столь сложных вопросов. Именно поэтому в современной исторической науке большое внимание уделяется изучению феномена «Иного»: иной культуры, иной цивилизации, иной веры в контексте оппозиции «свои» — «чужие»¹.

В середине XV в. Византийская империя прекратила свое существование. На политической арене той эпохи появился новый фактор первостепенной важности — Османская империя. Османская держава представляла собой реальную угрозу для европейских государств. Интеллектуалы и политики того времени осознали необходимость разрешения проблемы экспансии Османской империи.

¹ Louchitskaja S. L'individu parmi les "autres": les contacts culturels chrétiens-musulmans. Le cas du royaume latin de Jérusalem / Das Individuum und die Seinen. Individualität in der russischen Kultur in Mittelalter und früher Neuzeit. Herausgegeben von Yuri L. Bessmertny und Otto Gerhard Oexle. Göttingen, 2001. P.77–92; Todorov T. The Conquest of America. The Question of the Other. N. Y., 1992; Affergan F. Exotisme et alterité. Essai sur les fondements d' une critique de l' anthropologie. P., 1987; Mc Grane B. Beyond Anthropology. Society and the Other. N. Y., 1989; Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р. Шукурова М., 1999.

После падения Константинополя на Западе вновь заговорили о крестовом походе, который должен был сломить мощь противника и обезопасить Европу от турецкой угрозы. Римский папа Пий II и кардинал Виссарион пытались вдохновить европейских государей на крестовый поход против турок.

В то же время, независимо друг от друга кардиналы Николай Кузанский и Хуан Сеговийский, а также византийский интеллектуал, переехавший в Италию, Георгий Трапезундский пришли к выводу, что насильственный метод решения проблемы не принесет результата. Эти авторы направили свою энергию на поиски оснований для начала мирного мусульmano-христианского диалога.

Георгий Трапезундский (3. 04. 1395 – 1472 /73) написал турецкому султану Мехмеду II Завоевателю три трактата и три письма, убеждая правителя турок в том, что между мусульманами и христианами на самом деле нет непреодолимых богословских противоречий, которые могли бы помешать их объединению.

В современном историческом контексте особенно актуально изучение писем и трактатов Георгия Трапезундского как источников, содержащих богатую и неоднозначную информацию, дающую возможность представить, как средневековый автор пытался найти мирное решение проблемы исламо-христианского антагонизма.

Систематический анализ этих произведений позволит глубже понять отношение их автора к турецкому завоеванию Византии, к туркам и исламу, а также к возможности начала плодотворного религиозного диалога мусульман и христиан.

Кроме того, комплексное изучение творений Георгия, предназначенных для турецкого султана, дает возможность представить совокупность религиозных и политических взглядов философа.

Изучение указанных произведений Георгия Трапезундского актуально еще и по другой причине. До сих пор в науке остается спорным вопрос о том,

как же относился Георгий к исламу. Современные историки склонны рассматривать произведения Георгия с высоты наших сегодняшних представлений о религиозной и этнической толерантности, что нередко приводит к искаженному пониманию взглядов средневекового автора. Поэтому на сегодняшний день актуализируется изучение писем и трактатов Георгия в контексте византийской и западноевропейской традиции отношения к исламу, а также в контексте духовно-мировоззренческих и культурных особенностей эпохи, в которой жил сам Георгий Трапезундский.

Степень изученности темы. Несмотря на возрастающий интерес к истории идеи религиозной толерантности, письма и трактаты Георгия Трапезундского, адресованные Мехмеду II, не удостоились комплексного изучения. В настоящее время нельзя указать ни одной монографии или даже статьи, охватывающей всю совокупность работ философа, написанных для турецкого султана, и полностью посвященной проблеме его отношения к турецкому завоеванию и исламу.

Личность Георгия Трапезундского стала объектом внимания историков еще в XVIII в., когда греческий исследователь А. Зено посвятил Георгию статью, опубликованную в «Журнале итальянской литературы»². В начале XIX в., благодаря усилиям итальянского исследователя Р. Саббадини, назвавшего Георгия «блестящим гуманистом», изучение личности и творчества Георгия Трапезундского стало прерогативой специалистов по истории Возрождения³. В 1896 г. Г. Кастеллани посвятил «маэстро красноречия» Георгию Трапезундскому большую статью⁴.

Итальянские историки долгое время были основными специалистами в области изучения личности и творчества Георгия. Благодаря работам Р. Сесси

² Zeno A. Giorgio Trapezunzio // *Giornale de' letterati d'Italia*. 1713. T. XVI. P. 414–446.

³ Sabbadini R. Briciole umanistiche: Giorgio da Trebisonda // *Giornale Storico della Letteratura Italiana*. 1891. XVIII. P. 230–241; Idem. Briciole umanistiche: Giorgio da Trebisonda // *Giornale Storico della Letteratura Italiana*. 1904. XLIII. P. 253–254; Idem. Giorgio da Trebisonda // *Enciclopedia Italiana*. Milan, 1933. T. XVII. P. 180; Idem. Giorgio da Trebisonda // *Enciclopedia Filosofica*. Firenze, 1968. T. III. P. 117.

стали известны некоторые сюжеты из богатой на события жизни Георгия Трапезундского⁵. А. Меркати уделил внимание истории семьи Георгия Трапезундского⁶. Э. Гарэн и А. Васоли внесли немалый вклад в изучение философских воззрений Георгия⁷.

Если история изучения жизни и творчества Георгия восходит к XVIII в., то о его письмах и трактатах, обращенных к Мехмеду II, ученые заговорили лишь первой половине XX в. Впервые внимание ученых к трактату Георгия «Об истинности христианской веры» привлекли греческий ученый Г. Зорас и итальянский исследователь С. Джианелли в совместном докладе на V международном конгрессе византинистов в 1936 г.⁸. Почти двадцать лет спустя, в 1954 г. Г. Зорас издал этот трактат, предварив его вступительной статьей⁹. Итальянский византинист А. Меркати в 1943 г. издал два письма Георгия Трапезундского к Мехмеду Завоевателю. Публикации Г. Зораса и А. Меркати положили начало изучению отношения Георгия к религии мусульман.

Известный французский специалист в области изучения византийской традиции полемики с исламом А. Т. Хури заинтересовался изданием Г. Зораса.

⁴ Castellani G. Giorgio da Trebisonda, maestro di eloquenza a Vicenza e a Venezia // Nuovo archivio Veneto. 1896. T. XI. P. 123–142.

⁵ Cessi R. La contesa fra Giorgio da Trebisonda, Poggio e Aurispa // Archivio Storico per la Sicilia Orientale. 1912. IX. P. 211–232; Idem. L'Ultima avventura di Giorgio da Trebisonda // Saggi Romani. P. 153–181.

⁶ Mercati A. Notiziola sulla famiglia di Giorgio da Trebisonda // OCP. 1954. T. XI. P. 227–228.

⁷ Garin E. Il platonismo come ideologia della sovversione europea. La polemica antiplatonica di Giorgio Trapezunzio // Studia Humanitatis Ernesto Grassi zum 70. Geburtstag. Edd. E. Hora and E. Kessler. Munich, 1973. P. 113–120; Idem. Giorgio di Trebisonda e la difesa del Medioevo // Storia della Letteratura Italiana. Dirett. E. Cecchi and N. Sapegno. 8 vols., Milan, 1966. T. III. P. 51–55; Idem. Le traduzioni umanistiche di Aristotele nel secolo XV // Atti dell' Accademia Fiorentina di Scienze Morali "La Colombaria". VIII. 1950. P. 55–104; Vasoli C. La dialettica di Giorgio Trapezunzio // Atti e memorie dell' Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria". 1959–1960. X. P. 299–327; Vasoli C. La dialettica e la retorica dell' Umanesimo. Milan, 1968.

⁸ Zoras G., Gianelli C. *Ἐπιτομή τῆς ἱστορίας τοῦ ἁγίου Γεωργίου Τραπεζούντιου περὶ τῆς ἀληθείας τοῦ Χριστιανισμοῦ* // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini e Neellenici. Rome, 1938. P. 577.

⁹ Zoras G. *Ἐπιτομή τῆς ἱστορίας τοῦ ἁγίου Γεωργίου Τραπεζούντιου περὶ τῆς ἀληθείας τοῦ Χριστιανισμοῦ* // *ΕΣΛΨ*, 1954.

В 1968 г. он написал статью, посвященную трактату Георгия Трапезундского¹⁰. Ученый пришел к выводу, что Георгий был сторонником религиозно-политического объединения мусульман и христиан, а не эллинов и турок, как утверждал Г. Зорас. В 1969 – 1971 гг., в трех номерах журнала «Ближний Христианский Восток», А. Т. Хури опубликовал французский перевод трактата «Об истинности христианской веры», основываясь на издании Г. Зораса¹¹. Если греческий исследователь не снабдил свое издание достаточно полными комментариями, то А. Т. Хури исправил это упущение. Комментарии французского ученого отличаются детальностью и хорошим знанием современной библиографии вопроса. В 1971 г. А. Т. Хури переиздал уже отдельной книгой свой перевод и греческий текст трактата, предварив издание вступительной статьей, где подробно проанализировал содержание трактата Георгия¹². Издание и перевод А. Т. Хури были еще раз опубликованы в 1987 г., в известной серии «Corpus Islamo–Christianum»¹³. А. Т. Хури следует считать одним из лучших знатоков особенностей восприятия Георгием Трапезундским ислама.

Несмотря на усилия французского исследователя, в вопросе об отношении Георгия Трапезундского к турецкому завоеванию и исламу оставалось еще много неясного. Итальянский ученый Дж. Равеньяни попытался объединить информацию, полученную благодаря изданиям Г. Зораса и А. Меркати¹⁴. Если А. Т. Хури как специалиста в области истории богословия

¹⁰ Khoury. A. Th. George de Trébizonde, avocat de l'union politico-religieuse de l' Islame et du Christianism // 1968. T. 18. P.326–34.

¹¹ Khoury. A. Th. George de Trébizonde et l'union islamo-chrétienne // Proche–Orient Chrétien. 1969. T. 19. 320–34; Idem. George de Trébizonde et l'union islamo-chrétienne // Proche–Orient Chrétien. 1970. T.20. 238–71; Idem. George de Trébizonde et l'union islamo-chrétienne // Proche–Orient Chrétien. 1971. T. 21. 235–61.

¹² Греческий текст трактата, представленный в этом издании полностью соответствует тексту, изданному Г. Зорасом. См.: Khoury. A. Th. George de Trébizonde et l'union islamo-chrétienne. Louvain, 1971.

¹³ George de Trébizonde. De la vérité de la foi des chrétiens / Ed. et trad. A. Th. Khoury. Corpus Islamo–Christianum. Altenberg, 1987.

¹⁴ Ravegnani G. Nota sul pensiero politico di Giorgio da Trebisonda // Aevum.1975.Vol.49. P.310–329.

интересовали, прежде всего, религиозные взгляды Георгия Трапезундского, то Дж. Равеньяни проанализировал политические воззрения философа с Крита.

Немецкий специалист по истории Османской империи Ф. Бабингер в знаменитой монографии «Мехмед II Завоеватель и его время» также рассмотрел политический аспект обращения Георгия Трапезундского к турецкому султану. С точки зрения Ф. Бабингера, позиция Георгия Трапезундского была олицетворением знаменитого высказывания Луки Нотара, согласно которому некоторые византийцы предпочитали «видеть в Константинополе скорее турецкий тюрбан, чем папскую тиару»¹⁵.

Среди обобщающих работ, следует упомянуть статьи, посвященные биографии Георгия Трапезундского, а также обзору его творений, которые вышли в двух изданиях справочного типа: «Оксфордском византийском словаре» и «Просопографическом словаре Палеологовского времени»¹⁶.

Эпизодическое внимание к письмам и трактатам Георгия, касающихся проблемы турецкого завоевания и ислама, характерно для работ Д. Дж. Джианакоплоса¹⁷, испанского исследователя П. Баденоса¹⁸, французского ученого А. Дусселье¹⁹.

Таким образом, в зарубежной византистике были изучены лишь отдельные аспекты обозначенных проблем, что не создавало полной и непротиворечивой картины, отображающей религиозные и политические взгляды Георгия Трапезундского относительно турецкого завоевания и ислама.

¹⁵ Babinger F. Mahomet II le Conquérant et son temps. P., 1954. P. 301.

¹⁶ George Trapezuntios // The Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y., Oxford, 1991. V.3. P.839–840; Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasc. 2. Wien, 1977. №4120. S.202–204.

¹⁷ Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, 1962. P. 30; Idem. Byzantium. Church, Society and Civilization Seen through Contemporary Eyes. Chicago-London, 1984. P. 384.

¹⁸ Bádenas P. Corrientes conciliatorias de intelectuales griegos en la corte del Gran Turco // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. / Отв. ред. А. А. Чекалова. СПб., 2003. С.273—280.

¹⁹ Ducellier A. Chrétiens d'Orient et Islam au Moyen Age VIIe—XVe siècle. Paris, 1996. P.443–452.

Положение несколько улучшилось с появлением исследований американского ученого итальянского происхождения Дж. Монфазани и французского византиниста и тюрколога М. Баливе.

В 1976 г. Дж. Монфазани опубликовал монографию «Георгий Трапезундский: биография и исследование его риторики и логики»²⁰. Этот фундаментальный труд до сих пор остается основополагающим исследованием, посвященным Георгию Трапезундскому. Что касается отношения Георгия Трапезундского к турецкому завоеванию и исламу, то этот вопрос ученый назвал одной из самых парадоксальных загадок Георгия Трапезундского²¹.

Тем не менее, цели и задачи исследования не позволили Дж. Монфазани подробно остановиться на проблеме восприятия Георгием турецкой экспансии и религии мусульман. Поэтому автор посвятил столь сложному вопросу всего несколько страниц. Исследователь выдвинул предположение о том, что все выводы, ранее сделанные по этому вопросу, не верны, так как ключ к разгадке лежал в двух, ранее не опубликованных трактатах Георгия Трапезундского, предназначенных для Мехмеда II, — «О божественности Мануила» и «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве»²².

В 1984 г. Дж. Монфазани издал еще один фундаментальный труд, посвященный творчеству Георгия Трапезундского, который представляет собой публикацию ранее неизданных работ Георгия, библиографическое описание уже изданных работ, полную библиографию, посвященную Георгию Трапезундскому²³. В этой монографии исследователь издал ранее неопубликованное письмо Георгия Трапезундского к турецкому султану²⁴, а

²⁰ Monfasani J. *George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic*. Leiden, 1976.

²¹ Monfasani J. *A Biography...* P. X.

²² *Ibid.* P. 132.

²³ *Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. N.Y., 1984.

²⁴ *CTr.* LXXXII. P.281–284.

также трактаты «О божественности Мануила»²⁵ и «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве»²⁶.

Если для исследований Дж. Монфазани изучение нашей темы не являлось главной целью, то для французского византиниста и тюрколога М. Баливе ее изучение было одной из основных задач исследований. Таким образом, М. Баливе является единственным ученым, который уделил особое внимание вопросу об отношении Георгия Трапезундского к турецкому завоеванию и исламу. И это неудивительно, ведь научные интересы М. Баливе фокусируются вокруг изучения взаимоотношений византийцев с миром ислама. Своими работами французский ученый убедительно опроверг точку зрения Ф. Бабингера, согласно которой Георгий Трапезундский был не больше чем «фантазер и хвостун». В 1980 г. он опубликовал большую статью «Два сторонника религиозного объединения христиан и мусульман в XVв.: турок Бедреддин Самавна и грек Георгий Трапезундский»²⁷. Одним из наиболее важных выводов, к которым пришел М. Баливе, можно считать признание новаторского, исключительного характера трактата Георгия Трапезундского «Об истинности христианской веры»²⁸.

Статья М. Баливе переросла в книгу «Византийцы и латиняне на пути к исламо-христианскому согласию в конце средневековья (От Николая Кузанского до Георгия Трапезундского)», опубликованную в Риме в 1997 г., то есть спустя семнадцать лет после выхода статьи²⁹. То, что в статье было намечено лишь пунктирно, нашло в книге полное и глубокое воплощение: автор подробно анализирует попытки византийцев и латинян наладить межконфессиональный диалог, целью которого было, по мысли исследователя,

²⁵ Ibid. CXLV. P. 564–569.

²⁶ Ibid. CXLIV. P. 492–560.

²⁷ Balivet M. Deux partisans de la fusion religieuse des chrétienne et de Musulmans au XV-e siècle: le turc Bedreddin de Samavna et le Grec George de Trebizond // Byzantina. 1980. T.10. P.363–396.

²⁸ Balivet M. Deux partisans de la fusion religieuse...P. 383.

²⁹ Balivet M. Pour une concord islamو-chrétirrne. Démarches byzantines et latines à la fin du Moyen-Âge (de Nicolas de Cues à George de Trébizonde). Roma, 1997.

достижение согласия (*une concorde*) мусульман и христиан. В монографии М. Баливе уделяет большое внимание анализу взглядов Георгия Трапезундского³⁰.

Особенности концепции М. Баливе, который полагал, что Георгий Трапезундский заявлял об идентичности ислама и христианства, можно объяснить ее неразрывной связью с современными взглядами на проблемы межрелигиозного диалога. С нашей точки зрения, М. Баливе склонен рассматривать работы Георгия Трапезундского, Николая Кузанского и Хуана Сеговийского сквозь призму современных представлений о религиозной толерантности, что является существенным недостатком исследований французского ученого. Интерпретация взглядов мыслителей конца Средневековья на ислам нуждается, на наш взгляд, в более взвешенном и осторожном подходе.

Несмотря на множество явных достоинств исследований М. Баливе, следует отметить, что ученый игнорирует источники, изданные Дж. Монфазани, и указывает на то, что они до сих пор не опубликованы³¹. Это объясняет односторонний подход исследователя. Кроме того, ученый полагает, что эти источники представляют собой лишь резюме основного произведения Георгия — трактата «Об истинности христианской веры».

Тем не менее, с нашей точки зрения, трактаты «О божественности Мануила» (1467г.) и «О вечной славе самодержца» (1466г.), изданные Дж. Монфазани в 1984 г., заслуживают не меньшего внимания, чем трактат «Об истинности христианской веры»³². Эти работы позволяют понять, как справедливо отмечает их издатель, действительное отношение Георгия Трапезундского к проблеме ислама³³.

Таким образом, в современной науке назрела необходимость теоретического переосмысления и анализа указанной темы, который охватил

³⁰ Ibid. P. 27–36.

³¹ Ibid. P. 31.

³² СTr. P.492—560, 564—573.

³³ Monfasani J. A Biography... P.131,132.

бы обе точки зрения, а также всю совокупность произведений Георгия Трапезундского, адресованных турецкому султану.

В отечественной науке теме отношения Георгия Трапезундского к проблемам турецкого завоевания и ислама, равно как и вообще личности этого автора, за редким исключением, не уделялось внимания.

В дореволюционных работах, насколько нам известно, имя Георгия Трапезундского не упоминалось в контексте указанной проблематики. Так, например, в статье крупнейшего русского историка Н. А. Скабалановича «Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии (от завоевания Константинополя до конца XVIII в.)» произведения Георгия Трапезундского не рассматриваются³⁴.

Что касается современного периода в отечественной византистике, то к исключениям из общего положения дел стоит отнести исследования И. П. Медведева и Р. М. Шукурова³⁵. Тем не менее, ученые не ставили своей целью детально проанализировать отношение Георгия Трапезундского к турецкому завоеванию и исламу. Как кажется, исследователи сознательно оставили этот вопрос открытым. Но сам факт того, что именно в недавних работах они обратились к той части наследия Георгия Трапезундского, которая освещает проблему турецкого завоевания и ислама, подчеркивает актуальность, своевременность и эвристическую ценность изучения данной темы.

³⁴ Скабаланович Н. А. Политика турецкого правительства по отношению к христианским подданным и их религии (от завоевания Константинополя до конца XVIII в.) // Христианское Чтение. 1878. Ч.2. С.423–464.

³⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Изд. второе. СПб., 1997. С.83–89, 97, 98, 184, 303, 304, 311; Он же. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С.291–332; Он же. Византийское «диссидентство» как виновник крушения империи: мнение Георгия Трапезундского (XVв.) // Историческая роль Константинополя (В память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византистов. Москва 29-30 мая 2003 года. М., 2003. С. 72–74; Шукуров Р. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Шукурова Р. М., 1999. С.194–234.

Итак, ни в отечественной, ни в зарубежной византистике наша тема не была удостоена комплексного монографического исследования. Освещение темы в зарубежных исследованиях часто было отмечено фрагментарностью или тенденциозностью. Вместе с тем, источники, изданные Дж. Монфазани, а также попытки теоретического осмысления наследия Георгия Трапезундского, предпринятые двумя главными специалистами по этой теме — Дж. Монфазани и М.Баливе — создали предпосылки для всестороннего исследования отношения Георгия Трапезундского к проблемам турецкого завоевания и ислама.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертации являются трактаты и письма Георгия Трапезундского, адресованные турецкому султану Мехмеду II Завоевателю. Предметом — политические и религиозные представления Георгия Трапезундского, которые отразились в его отношении к турецкому завоеванию, к туркам, к султану Мехмеду II и к исламу.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации — рассмотреть отношение Георгия Трапезундского к проблемам турецкого завоевания и ислама. Для достижения этой цели предполагается разрешение следующих задач.

Во-первых, проанализировать отношение Георгия к угрозе турецкого завоевания и его проекты решения проблемы.

Во-вторых, рассмотреть различные аспекты отношения Георгия к свершившемуся факту турецкого завоевания Византии.

В-третьих, подвергнуть анализу проект Георгия по обращению Мехмеда II в христианство в контексте других попыток объяснить турецкому султану основы христианской веры, предпринятых римским папой Пием II, греческим патриархом Геннадием Схоларием и византийским придворным и интеллектуалом Георгием Амируци.

В-четвертых, показать особенности отношения Георгия Трапезундского к исламу в контексте византийской и западноевропейской традиции полемики с религией мусульман.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки исследования определяются, с одной стороны, временем создания писем и трактатов Георгия Трапезундского, написанных для турецкого султана (1453–1467 гг.), с другой — временем написания сопоставимого материала, который включает в себя письма и трактаты современников Георгия Трапезундского, адресованные турецкому султану или (как в случае с трактатом Георгия Амируци) созданные под впечатлением бесед с Мехмедом II (1455–1470гг.). Однако для того, чтобы рассмотреть особенности отношения Георгия Трапезундского к исламу в контексте византийской и западноевропейской традиции полемики с мусульманами, допускался выход за обозначенные хронологические рамки в параграфе 2 главы III «Византийская традиция полемики с исламом (VIII–XV вв.): исторический обзор» и в параграфе 3 той же главы «Образ ислама в произведениях западноевропейских авторов (XII–XV вв.)».

Источниковая база исследования. Источниковую базу исследования составляют три грекоязычных трактата Георгия Трапезундского, адресованных турецкому султану Мехмеду II — «Об истинности христианской веры» (1453г.)³⁶, «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» (1466г.)³⁷, «О божественности Мануила» (1467г.)³⁸, а также три его письма правителю турок (от 1465/66 и 1466 гг.)³⁹. Одно из этих писем, изданное Дж. Монфазани и датированное им 1465-66 г., было написано на греческом языке, тогда как два

³⁶ Zoras G. *Ἡ ἀποστολή τοῦ Γεωργίου τοῦ Τραπεζούντου πρὸς τὸν Σουλτάνο Μωῆδε II (1453)*. ΕΣΨϚϛ, 1954. ©. 93–165. Далее все ссылки на этот источник — Zoras.

³⁷ *Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. N.Y., 1984. CXLIV. P.492–561. Далее все ссылки на этот трактат — CTr. CXLIV.

³⁸ *Collectanea Trapezuntiana...* CXLV. P.564–573. Далее все ссылки на этот трактат — CTr. CXLV.

³⁹ *Collectanea Trapezuntiana...* LXXXII. P.281–283; Mercati A. *Le due lettere di Giorgio da Trebisonda a Maometto II* // OCP.1943.Vol.9. P.65–99; Далее все ссылки на письмо от 1465/66г. — CTr. LXXXII. Ссылки на письма от 1466 г. — Mercati A. *Le due lettere ...*

других письма от 1466 г., опубликованных А. Меркати, было созданы на латинском языке. С нашей точки зрения, комплексный анализ этих работ, значение которых для изучения проблематики настоящего исследования до сих пор не оценено по достоинству, позволит по-новому взглянуть на политические и религиозные представления Георгия Трапезундского, представить как единое, непротиворечивое целое элементы новизны и традиционности в отношении Георгия к проблеме турецкого завоевания и ислама.

Кроме указанных источников, в исследовании используются и другие работы Георгия, главная из которых — трактат «Сравнение философов Аристотеля и Платона».

В нашей работе анализируются также и произведения (письма, трактаты, поэтические произведения) современников Георгия Трапезундского, которые высказывали идеи, близкие тем, что мы встречаем у Георгия. Среди этих работ, прежде всего, стоит отметить письмо Мехмеду Завоевателю папы Пия II, трактаты патриарха Геннадия Схолария, трактат и стихи Георгия Амируци, трактат кардинала Николая Кузанского и письма Франческо Филельфо.

Кроме того, привлекаются произведения византийских и западноевропейских авторов VIII–XV в., посвященные полемике с исламом. Это представляется нам необходимым для того, чтобы определить новые и традиционные элементы в концепции Георгия Трапезундского.

Методология и методы исследования. В основе методологии нашего исследования лежит принцип историзма, предполагающий изучение исторических феноменов в их становлении и развитии. В соответствии с этим принципом мы попытались проследить эволюцию политических и религиозных взглядов Георгия Трапезундского, а также их взаимосвязь с мировоззренческими особенностями его эпохи. Другим основополагающим принципом нашей работы является системный подход, позволяющий изучать исторические явления как взаимосвязанные и взаимовлияющие элементы единой системы. Указанные теоретико-методологические принципы

исследования дают возможность использовать традиционные методы критической интерпретации исторических источников. Кроме того, решение поставленных в работе задач предполагало применение сравнительно-исторического подхода к изучению источников. Эти методы являются основными для нашего исследования.

Научная новизна исследования. Научная новизна работы определяется следующими факторами. Во-первых, в отечественной и зарубежной византистике это первое систематическое исследование комплекса работ Георгия Трапезундского, адресованных турецкому султану. В настоящей работе показана взаимная связь и взаимообусловленность политических и богословских аспектов воззрений Георгия, нашедших отражение в указанных источниках.

Во-вторых, для изучения проблемы привлекаются недооцененные с точки зрения изучения религиозных взглядов Георгия источники, в частности, трактаты «О божественности Мануила», «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» и «Сравнение философов Аристотеля и Платона».

В-третьих, впервые политический аспект произведений Георгия рассматривается в сравнении с политическими воззрениями таких современников Георгия, как папа Пий II, патриарх Геннадий Схоларий и Георгий Амируци.

В-четвертых, религиозные взгляды Георгия Трапезундского впервые представлены в широком историческом контексте западноевропейской и византийской полемики с исламом.

И, наконец, научная новизна нашего исследования заключается в том, что впервые анализу подвергаются противоречивые интерпретации работ Георгия, предложенные современными учеными.

Таким образом, анализ писем и трактатов Георгия Трапезундского предоставляет уникальную возможность осмыслить и представить как единое целое совокупность политических и религиозных взглядов их автора.

Практическая значимость исследования

Результаты диссертации могут быть использованы в научных исследованиях, посвященных проблемам межэтнических и межрелигиозных взаимодействий в Средние века и в эпоху Возрождения. Основные итоги исследования имеют основания стать еще одной ступенькой в изучении истории диалога разных религий и культур. Выводы работы могут быть использованы при создании обобщающих работ по истории Византии и Ренессансной Италии. Материалы диссертации могут быть применены при чтении общих и специальных курсов по истории Византии, средних веков, религиоведению, по источниковедению и при создании учебных пособий.

Апробация результатов исследования состоялась в 2003 —2004 гг. на следующих научных конференциях: XI Сюзюмовские чтения (Екатеринбург, 26—28 марта 2003 г.); XVI Всероссийская научная сессия византинистов (Москва, 29—30 2003 г.); XVII Всероссийская научная сессия византинистов (Москва, 26—27 мая 2004 г.); международная конференция «Россия — Крым — Балканы: диалог культур» (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.).

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, представляющего собой перевод с древнегреческого языка трактата Георгия Трапезундского «Об истинности христианской веры». Трактат ранее никогда не переводился на русский язык. Кроме того, в состав исследования входят список использованных источников и литературы, а также список сокращений.

Содержание исследования

Во введении обосновывается актуальность темы работы, определяются цели и задачи исследования, характеризуются источниковая база работы, а также историографический опыт изучения исследованной в диссертации темы, раскрываются методология и научная новизна исследования.

Первая глава — «Георгий Трапезундский и проблема турецкого завоевания» — посвящена эволюции взглядов Георгия Трапезундского по рассматриваемому вопросу. Если до падения Константинополя Георгий выступает как противник Османской империи, то после падения византийской

столицы его взгляды претерпевают коренные изменения. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе — «Биография Георгия Трапезундского» — представлен очерк жизненного пути философа. Кроме того, в параграфе дается характеристика творческой биографии Георгия, делается попытка рассмотреть его личность в контексте культуры Италии эпохи Возрождения.

Во втором параграфе — «Призывы Георгия Трапезундского к крестовому походу и заключению церковной унии в условиях турецкой угрозы» — дан обзор военных успехов турок-османов во второй половине XIV и первой половине XV вв. Деятельность Георгия как антитурецкого пропагандиста анализируется в контексте драматичных коллизий борьбы Османской державы и ее противников. Охарактеризована позиция Георгия Трапезундского относительно турецкой угрозы, нависшей над Византийской империей и итальянскими государствами. Георгий просил Запад помочь осажденному Константинополю и предупреждал о той опасности, которая кроется в усилении могущества турок на море. Георгий призывал к крестовому походу против турок короля Арагона и Неаполя Альфонса V, римского папу Николая V и императора Священной Римской империи Фридриха III. Большие надежды Георгий возлагал на заключение унии восточной и западной церквей. Уния, по мысли Георгия, должна была воспрепятствовать дальнейшему продвижению турок-османов. После взятия Константинополя Георгий навсегда оставил надежду помешать дальнейшим завоеваниям турок.

В третьем параграфе — «Турки и турецкая экспансия в восприятии Георгия Трапезундского» — подробно разбирается отношение Георгия к туркам и турецкому завоеванию Византии после падения Константинополя. Анализируются те причины, которые, с точки зрения Георгия, повлекли за собой гибель Византии. Позиция Георгия сопоставляется со взглядами других византийских авторов: патриарха Афанасия I, св. Григория Паламы, Алексея Макремволита, Иосифа Вриенния, патриарха Геннадия Схолария, императоров Иоанна Кантакузина и Мануила Палеолога. Уточняются как традиционные, так

и своеобразные элементы отношения Георгия к турецкому завоеванию. Дается семантический анализ этнонимов, которые используются философом с Крита для обозначения турок. В параграфе прослеживается эволюция отношения Георгия Трапезундского к туркам и турецкому завоеванию. Без сомнения, после завоевания Константинополя и падения Византийской империи позиция Георгия по отношению к туркам стала более открытой. Георгий Трапезундский не только признавал право турок на свою идентичность, но и осуждал военные конфликты между мусульманами и христианами. Он мечтал о «божественном единении» мусульман и христиан. Если до падения столицы Византии Георгий надеялся на то, что христианские государи сокрушат турок силой оружия, то после взятия Константинополя философ с Крита примирился со свершившимся фактом. Он видел не только отрицательные, но и положительные последствия турецкого завоевания.

Вторая глава — «Проект Георгия Трапезундского об обращении турецкого султана в христианство в контексте воззрений современников»— состоит из двух параграфов.

Первый параграф — «Трактаты и письма Георгия Трапезундского, адресованные турецкому султану» — посвящен анализу произведений философа с Крита, которые он написал для Мехмеда II Завоевателя в период с 1453 по 1467 гг. В своих трактатах и письмах Георгий уделяет особое внимание идее будущего мирового господства Мехмеда II. Рассуждения о мировом владычестве составляют ядро религиозно-политических взглядов Трапезундского. Лейтмотивом трактатов Георгия стала идея об обращении Мехмеда в христианство и об основании им мировой империи, в которой бы объединились «царство, вера и Церковь».

Условием достижения Мехмедом мирового господства служит, по мысли Георгия, принятие им христианской веры. При этом Георгий Трапезундский не говорит прямо о своем намерении обратить султана в христианство. В параграфе дается обоснование нашему предположению о том, что основным мотивом Георгия Трапезундского было стремление обратить Великого Турка в

христианскую веру. Мы доказываем тот факт, что Георгий рассматривал турецкого султана в качестве христианского преемника Византийской империи.

С нашей точки зрения, в данном случае Георгий Трапезундский руководствовался доктриной переноса империи (*translatio imperii*), полагая, что волей Бога империя была перенесена к туркам. В параграфе рассматриваются также эсхатологические воззрения Георгия (его представления о конце света), которые были тесно связаны с его идеей об обращении турецкого султана в христианство. Анализируются причины, по которым образ турецкого султана в произведениях Георгия в значительной степени идеализирован.

Проект Георгия об обращении Мехмеда Завоевателя в христианство был утопичен. Он не вызвал (да и не мог вызвать) ответной реакции у правителя турок, как и не нашел понимания и поддержки в окружении Георгия Трапезундского. Проект Георгия оказался весьма далек от реальной политики. Но его уникальность заключается в том, что для самого Георгия это не было литературной игрой или политическим мифотворчеством. Уверенный в собственном пророческом даре, убежденный в правильности своей эсхатологической теории, Георгий стремился воплотить проект в реальную жизнь.

Во втором параграфе – «Современники Георгия Трапезундского о путях общения с турецким султаном» – анализируются попытки трех авторов XV в. (римского папы Пия II, греческого патриарха Геннадия Схолария, интеллектуала и чиновника из Трапезунда Георгия Амируци) объяснить Мехмеду Завоевателю основы христианской веры. Основная задача параграфа заключается в сопоставлении точек зрения современников Георгия с концепцией философа с Крита, а также в выявлении возможной трансляции идей относительно решения турецкого вопроса. Это представляется нам эвристически значимым в свете того, что в научных исследованиях, насколько нам известно, не предпринималось попыток сравнить позиции этих авторов относительно возможности обращения Великого Турка в христианство.

Параграф включает в себя три раздела. **Первый раздел – «Письмо римского папы Пия II Мехмеду Завоевателю»** – посвящен анализу позиции знаменитого папы-гуманиста относительно проблемы турецкой экспансии. Одной из первостепенных задач, стоявших перед папой, было заключение союза между всеми европейскими государствами для создания антитурецкой коалиции и организации крестового похода. Осенью 1461 г., в самый разгар подготовки к походу, Пий II написал письмо Мехмеду Завоевателю, в котором он убеждал правителя турок принять христианскую веру, сложить оружие и стать правителем мира. Дается анализ письма понтифика. В разделе также представлен обзор имеющихся в литературе точек зрения на эту «загадку» Пия II – письмо турецкому султану. Автор исследования отстаивает тезис, согласно которому письмо папы было творением Пия-поэта, но никак не Пия-политика. Выдвигается и обосновывается версия о возможном влиянии Георгия Трапезундского на концепцию письма Пия II. Делается вывод о том, что если делом жизни Пия II была организация крестового похода против турок, то делом жизни Георгия Трапезундского было стремление обратить Великого Турка в христианскую веру. В этом заключается основное различие в подходах этих авторов к проблеме турецкого завоевания.

Во втором разделе – «Георгий Амируци и его “Диалог о вере во Христа”» – прослеживаются жизненные коллизии Георгия Амируци, который сыграл не последнюю роль при сдаче Трапезунда турецким войскам. Впоследствии Амируци стал придворным Мехмеда II. Георгий Амируци был сторонником сотрудничества с турецкой властью в культурной и политической сферах. В разделе рассматривается трактат Георгия Амируци «Диалог о вере во Христа», который он написал под впечатлением своих бесед с турецким султаном по вопросам христианской веры. В трактате Амируци не пытался убедить султана в превосходстве христианской веры, но лишь доказывал, что христианство не противоречит разуму и здравому смыслу. Отличительной чертой трактата Амируци, сближающей ее с методом изложения христианской веры у Георгия Трапезундского, является то, что Амируци пытался объяснить

своему государю христианские догматы, используя общие философские понятия, а также философские категории Аристотеля. В разделе выдвигается гипотеза о возможном влиянии Георгия Трапезундского на концепцию Амируци относительно использования языка философии и общих понятий в качестве основания межрелигиозного диалога.

Текст трактата не дает основания полагать, что Амируци стремился обратить Мехмеда Завоевателя в христианство. Описанные в трактате беседы о христианской вере велись по инициативе султана, что доказывает лишь интерес Великого Турка к христианству. Скорее всего, Амируци осознавал тщетность любых попыток обратить султана в христианскую веру.

Третий раздел – «Два “Исповедания веры” Геннадия Схолария, написанные для Мехмеда II» – посвящен двум трактатам, написанным первым греческим патриархом при турецком владычестве по просьбе самого Мехмеда Завоевателя. В разделе рассматривается история взаимоотношений патриарха Геннадия Схолария и Мехмеда Завоевателя в контексте политики султана относительно православной Церкви. Турецкий султан благосклонно и уважительно относился к патриарху Схоларию. Мехмед II несколько раз специально встречался с патриархом Схоларием, чтобы поговорить о христианстве. Исследователи сходятся во мнении, что мотивами султана были скорее любознательность, интерес к религии завоеванного народа, чем желание подготовиться к принятию христианской веры.

Встречи константинопольского патриарха и турецкого султана состоялись в 1455 или в 1456 г. В результате этих встреч Мехмед пожелал получить письменное изъяснение христианской веры. Два трактата, написанных вскоре после бесед султана и патриарха, были по приказу султана переведены на турецкий язык.

Трактаты патриарха сопоставляются нами с работами Георгия Трапезундского. Патриарха Геннадия и Георгия Трапезундского объединяет то, что, хотя они и отрицательно относились к исламу и видели в нем угрозу для христианского мира, тем не менее, они приняли факт турецкого завоевания

Византии и выразили свою готовность к политическому и культурному сотрудничеству как с турецким режимом, так и с самим Великим Турком. Автор настоящего исследования раскрывает причины, лежащие в основе схождения позиций патриарха и философа с Крита.

Несмотря на сходство взглядов Схолария и Георгия Трапезундского относительно турецкого завоевания, эти авторы кардинально расходятся по вопросу о возможности обращения Мехмеда Завоевателя в христианство. Патриарх, в отличие от Георгия, не пытался обратить Мехмеда в христианскую веру. Он едва мог удержать христиан от обращения в ислам, поэтому вряд ли он мог серьезно задумываться о возможности обратить самого Великого Турка в христианство.

В разделе также анализируются версии относительно возможного влияния трактатов Геннадия Схолария на других авторов, писавших Великому Турку (на Пия II и Георгия Трапезундского).

В третьей главе – «Георгий Трапезундский и ислам» - анализируется отношение Георгия к религии мусульман. Рассматривается позиция философа с Крита относительно достижения согласия между исламом и христианством. Подвергаются анализу методы и принципы, предложенные Георгием Трапезундским для плодотворного диалога между мусульманами и христианами. Взгляды Георгия рассматриваются в широком историческом контексте западноевропейской и византийской традиций полемики с исламом. Традиция — это то, что различные поколения ценят в прошлом. Игнорируя историю традиционного взгляда на ислам, на наш взгляд, нельзя увидеть, в чем был Георгий оригинален в своем отношении к религии мусульман, а в чем он оставался традиционен.

Особое внимание уделяется сопоставлению взглядов Георгия с концепциями мира религий, предложенными кардиналами Николаем Кузанским и Хуаном Сеговийским. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе – «Византийская традиция полемики с исламом (VIII–XV вв.): исторический обзор» – дается характеристика

антимусульманской литературы, созданной такими византийскими авторами, как св. Иоанн Дамаскин, Феодор Абу Карра, Никита Византийский, Варфоломей Эдесский, императоры Иоанн Кантакузин и Мануил Палеолог. Выделяются основные этапы развития полемической литературы против ислама.

На протяжении всей истории развития византийской полемики с исламом неизменным оставался круг обсуждаемых тем. Основные тезисы кочевали из трактата в трактат и составили ядро византийских представлений об исламе. В параграфе подробно рассматриваются наиболее распространенные византийские аргументы против ислама.

Характеризуя антимусульманскую литературу в целом, мы отметили, что ее главной целью было не столько понять позицию противоположной стороны, сколько разграничить мусульманскую и христианскую точки зрения. Поэтому часто в основе полемики лежали ошибочные представления и плохое знание деталей религии мусульман. Византийским полемистам удалось создать негативный образ ислама, который прочно завладел сознанием византийцев.

Тем не менее, важно отметить, что в византийской полемической литературе существовало два направления: умеренное и ригористическое. Представители умеренного направления не считали, что ислам и христианство радикально разделены, они верили в возможность обращения мусульман в свою веру. Если ригористы демонстрировали абсолютно отрицательное отношение к исламу, считая его разновидностью язычества, представители умеренного направления подчеркивали некоторую общность ислама и христианства, в частности, монотеистический характер обеих религий.

Во втором параграфе – «Образ ислама в произведениях западноевропейских авторов (XII–XV вв.)» – рассматриваются произведения западноевропейских авторов (Петра Достопочтенного, Фомы Аквинского, Петра Альфонси, Раймонда Луллия, Рикольдо да Монте Кроче), посвященные исламу. Особенно подробно раскрываются взгляды двух авторов XV в., высказывавших относительно ислама идеи, близкие представлениям Георгия

Трапезундского: речь идет о кардиналах Хуане Сеговийском и Николае Кузанском. Дается характеристика законченной и самостоятельной теории, оказавшей влияние на многие сферы духовной жизни эпохи Возрождения — гуманистической идеи мира исповеданий.

Выделяются особенности отношения к религии мусульман в Западной Европе. В Европе был распространен негативный образ ислама, искаженный многочисленными мифами и легендами. В то же время, именно в Европе впервые Коран был полностью переведен на латынь. Таким образом, арсенал образованных полемистов пополнился достоверными сведениями о религии мусульман. Если в Византии перевод Корана был запрещен, то в Европе были предприняты даже несколько попыток перевода священной книги мусульман на латинский язык. Итак, наряду с мифическим образом ислама и ригористическим, враждебным к нему отношением, как к ложной религии, не имеющей ничего общего с христианством, существовал и другой, более взвешенный взгляд на ислам. Для него было характерно стремление больше узнать о религии мусульман и их обычаях, найти то общее, что объединяет христианство и ислам.

Третий параграф – «Ислам в сочинениях Георгия Трапезундского» – посвящен вопросу об отношении Георгия к религии мусульман. Этот вопрос до сих пор оставался спорным в науке. В параграфе отстаивается принципиальный для нашей работы тезис, согласно которому сочинения Георгия Трапезундского должны рассматриваться исключительно в контексте взглядов и представлений о межрелигиозных контактах, характерных для XV в. С нашей точки зрения, было бы ошибкой решать проблему понимания Георгием Трапезундским ислама с высоты наших современных представлений о религиозной толерантности. Строгое соблюдение принципа историзма позволило нам существенно откорректировать сложившееся в науке представление о Георгии Трапезундском как о предтече экуменистов, авторе, для которого было характерно особо толерантное отношение к исламу.

С нашей точки зрения, нельзя переоценивать степень религиозной толерантности Георгия. Философ с Крита не был готов поставить знак равенства между исламом и христианством. Таким образом, анализ трактатов и писем Георгия Трапезундского, адресованных Мехмеду Завоевателю, дает основания отвергнуть тезис М. Баливе о том, что для Георгия ислам был идентичен христианству. Нами была подробно рассмотрена скрытая критика ислама, содержащаяся в работах философа с Крита.

Кроме того, нами были представлены новые доказательства гипотезы, выдвинутой Дж. Монфазани, согласно которой единственная сохранившаяся версия трактата Георгия «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» была копией трактата, специально отредактированной Георгием для кардинала Виссариона. Эта гипотеза объясняет тот противоречивый факт, что в трактате содержится не скрытая, а вполне откровенная критика религии мусульман. Итак, мы отстаиваем тот тезис, что дошедшая до нас копия трактата была предназначена не для Мехмеда Завоевателя, но для кардинала.

Мы показали, что Георгий Трапезундский во многом продолжал как византийскую, так и западноевропейскую традицию отношения к исламу. Тем не менее, стоит признать, что, тексты Георгия Трапезундского во многом все-таки носят новаторский характер. Новым был его метод убеждения. Георгий был теоретик мирного диалога с мусульманами, диалога, целью которого было обращение мусульман в христианскую веру.

Итак, в основу метода Георгия лег принцип межконфессионального диалога, избавленного от взаимной критики и оскорблений, а также поиск основополагающих разногласий и игнорирование малозначительных различий между мусульманами и христианами.

В Заключении подведены основные итоги работы. В нашем исследовании мы проследили эволюцию взглядов Георгия Трапезундского на проблему османского завоевания. До захвата Константинополя Георгий верил, что турецкую экспансию можно остановить силой оружия. Но падение столицы Византийской империи заставило Георгия переменить свое отношение

к проблеме. С нашей точки зрения, Георгий рассматривал турецкое завоевание Византии не только как кару Божию за грехи христиан. Помимо наказания, турецкое завоевание, по мысли Георгия, выполняло и другую функцию. Философ с Крита полагал, что оно было прелюдией к обращению Мехмеда II и его народа в христианство, что, в свою очередь, привело бы к восстановлению единства церкви и созданию всемирной империи во главе с Великим Турком. Анализ трактатов и писем Георгия Трапезундского дает основания полагать, что главной целью обращения Георгия Трапезундского к Мехмеду II было его стремление обратить турецкого султана в христианство.

Падение Константинополя повлияло и на изменение позиции Георгия по отношению к туркам. Своеобразие произведений Георгия Трапезундского состоит в том, что в них он с уважением отзывался о турках, об их обычаях и языке. В этом, с нашей точки зрения, проявляется принадлежность Георгия к своей эпохе, эпохе Ренессанса. Георгию удалось преодолеть традиционную средневековую замкнутость и предубеждение к миру чужих.

На наш взгляд, к определению позиции Георгия по отношению к исламу нужно подходить с особой осторожностью. Нужно помнить, что только в XX в. возникает новое понимание проблемы «Иного», для которого характерно рассматривать диалог разных культур и религий, как диалог равноправных субъектов. Именно поэтому было бы ошибкой искать в произведениях Георгия, которые были написаны в XV в., стремление изучать ислам исходя из критериев религии мусульман, то есть «изнутри». Георгий Трапезундский относился к исламу в духе византийской полемики с исламом, то есть негативно. Тем не менее, следуя своему методу убеждения Мехмеда в истинности христианства, Георгий всячески избегал критики ислама, Корана и личности пророка Мухаммада. Мы пришли к выводу, что Георгий Трапезундский мало преуспел в области изучения ислама, так как рассматривал его с позиции христианина, главной целью которого было убеждение мусульманина в истинности христианской веры. В нашей работе было доказано, что христианская апологетика Георгия оставалась все-таки апологией

христианства против ислама. Таким образом, нельзя смешивать действительное отношение Георгия Трапезундского к исламу и его метод убеждения Мехмеда Завоевателя в истинности христианства.

Попытка Георгия Трапезундского обратить Мехмеда II в христианство и тем самым объединить мусульман и христиан и найти путь к взаимопониманию между ними закончилась неудачей. Тем не менее, нужно признать, что эта попытка занимает важное место в истории европейского отношения к исламу, в истории поиска эффективных способов коммуникации с представителями разных культур и вероисповеданий.

Основные публикации по теме диссертации:

1. Св. Григорий Палама: рассуждения о Коране и оценка личности пророка Мухаммада // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Сюзюмовских чтений. Уральский государственный университет, 26—28 марта 2003. Екатеринбург, 2003. С.55—57.
2. Проблема турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского // Историческая роль Константинополя. (В память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 29—30 мая 2003. М., 2003. С. 65—66.
3. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С.399—414.
4. Георгий Трапезундский о роли Великой Схизмы в истории Византийской империи // Византия и Запад (350-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 26—27 мая, 2004. М., 2004. С.109—111.
5. Коранические сюжеты в трактатах Георгия Трапезундского // Россия — Крым — Балканы: диалог культур: Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.). Екатеринбург, 2004. С. 162–165.